

Е. Б. Крюкова^a

ORCID: 0000-0001-6585-4611

✉ kriukova.jr@yandex.ru**О. А. Коваль**^b

ORCID: 0000-0003-4718-6669

✉ ox.koval@gmail.com^a Социологический институт РАН

(филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

(Россия, Санкт-Петербург)

^b Русская христианская гуманитарная академия
(Россия, Санкт-Петербург)

ОТ ЛОГИКИ К БЕССМЫСЛЕННОСТИ: ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА В ПОВЕСТИ ТОМАСА БЕРНХАРДА «ХОЖДЕНИЕ»

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявить масштаб влияния «Логико-философского трактата» Людвига Витгенштейна на тематику и способ письма Томаса Бернхарда. На примере повести «Хождение», опубликованной в 1970 г., демонстрируется, что поднятые Витгенштейном в начале века вопросы имели для Бернхарда первостепенную значимость не только в плане установления отношений между миром и языком, но и в том, что касается понимания природы художественного творчества. Мысль о возможности адекватной передачи событий средствами языка, которую Витгенштейн стремился продумать в ее онтологических и логических основаниях, получает в тексте повести необычное преломление. С одной стороны, Бернхард ставит под сомнение витгенштейновское допущение об исходном изоморфизме слов и вещей, обрекая своих героев на бесконечное блуждание в замкнутом пространстве речи. С другой стороны, таким негативным способом он удостоверяет идейный стержень всего «лингвистического поворота» — убежденность в том, что человеческое существование определяется языком. Литературная проработка проблем безумия, самоубийства, обманчивости реальности, которые в логическом континууме Трактата объявляются бессмысленными, выводит повествование Бернхарда на экзистенциальный уровень.

Ключевые слова: критика языка, «Логико-философский трактат», Людвиг Витгенштейн, Томас Бернхард, философия и литература

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-60010 «Этическое измерение языка: современная литература как способ подступиться к границам высказываемого».

Для цитирования: Крюкова Е. Б., Коваль О. А. От логики к бессмысленности: философия языка Людвиг Витгенштейна в повести Томаса Бернхарда «Хождение» // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 291–304. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-291-304>.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2021 г.
Принято к печати 16 февраля 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 1. 2023
Articles

Е. В. Kriukova^a

ORCID: 0000-0001-6585-4611

✉ kriukova.jr@yandex.ru

О. А. Koval^b

ORCID: 0000-0003-4718-6669

✉ ox.koval@gmail.com

^a *Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences
(Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences)
(Russia, St. Petersburg)*

^b *Russian Christian Academy for the Humanities
(Russia, St. Petersburg)*

FROM LOGIC TO NONSENSE: LUDWIG WITTGENSTEIN'S PHILOSOPHY OF LANGUAGE IN *WALKING* OF THOMAS BERNHARD

Abstract. The article attempts to reveal the scale of influence of Ludwig Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus* on the subject matter and writing method of Thomas Bernhard. On the basis of the novella *Walking*, published in 1970, we demonstrate that the issues raised by Wittgenstein at the beginning of the 20th century were of primary importance for Bernhard. The Austrian writer was interested not only in establishing the relationship between the world and language, but also in extrapolating this metaphysical problem to an understanding of the nature of literary creativity. Wittgenstein in his work asked the critical question about the possibility of adequate transmission of events by means of language and sought to explore its ontological and logical foundations. However, this idea of the philosopher receives an unusual refraction in

the novella *Walking*. On the one hand, Bernhard casts doubt on Wittgenstein's assumption about the initial isomorphism of words and objects and condemns his characters to endless wandering in the closed space of speech. On the other hand, in such a negative way he confirms the ideological core of the "linguistic turn", and, in fact, that human existence is determined by language. Thus, literary exploration of themes of madness, suicide, the deceptiveness of reality, which in the logical continuum of the *Tractatus* are declared nonsensical, leads Bernhard's narrative to an existential level.

Keywords: language criticism, *Tractatus Logico-Philosophicus*, Ludwig Wittgenstein, Thomas Bernhard, philosophy and literature

Acknowledgements. The paper is written with financial support from the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI), Project No. 19-311-60010, "The ethical dimension of language: modern literature as a way to approach the limits of words".

To cite this article: Kriukova, E. B., & Koval, O. A. (2023). From logic to nonsense: Ludwig Wittgenstein's philosophy of language in *Walking* of Thomas Bernhard. *Shagi / Steps*, 9(1), 291–304. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-291-304>.

Received December 29, 2021

Accepted February 16, 2022

ходить ходить выхаживать
самого ходящего
чтобы оставалось только
самоё хождение

Михаил Гронас

Философская проблема имеет форму:
«Я в тупике».

Людвиг Витгенштейн

При жизни слава Томаса Бернхарда носила скандальный характер. Едкая сатира его произведений, обличающая нравы и быт послевоенной Австрии, нарочито ругательная манера, в которой выдержано большинство его текстов, провокативные выходки вроде гневных тирад вместо благодарственных речей на присуждении ему литературных премий¹ — все это способствовало созданию репутации хулигана и возмутителя общественного

¹ См., например: [Бернхард 2020].

спокойствия. Однако сегодня, когда его творчество получило мировое признание, уже совершенно очевидно, что феномен Томаса Бернхарда не ограничивается сугубо локальной темой любви-ненависти к собственному отечеству. За социальной критикой австрийского провинциализма просматриваются проблемы более общего, философского масштаба, связанные в первую очередь с критикой языка. Оттого кажется совсем не случайным появление в книгах Бернхарда фигуры Людвиг Витгенштейна, главного инициатора «лингвистического поворота», который объявил источником всякого заблуждения неправильное использование слов и переориентировал современную мысль на исследование вербального измерения.

Хотя личность и оригинальные идеи Витгенштейна нередко будили творческое воображение (подтверждением чему может служить целая вереница образов, созданных разными поэтами и писателями²), в художественном мире Томаса Бернхарда он занимает особое место. Иногда знаменитый философ выводится под собственным именем, как, например, в повести «Племянник Витгенштейна» (1982), посвященной Паулю Витгенштейну, известному венскому безумцу, с которым Бернхарда связывали дружеские отношения [Бернхард 2003]. Или в рассказе «Гёте умирает» (1982), где светоч немецкой поэзии, подчиняясь своевольной фантазии автора, требует, чтобы к его смертному одру, преодолев пространство и время, привели Витгенштейна — единственную родственную ему душу [Bernhard 2003]. Иногда в героях Бернхарда прототип легко узнаваем — таков Людвиг из пьесы «Риттер, Дене, Фосс» (1984), талантливый, но незадачливый, в отличие от своего тезки, логик, которого угнетает атмосфера фамильного дома [Bernhard 2011]. Или Ройтхамер из романа «Корректур» (1975), который стремится достичь точности выражения своих мыслей столь же неистово, как некогда Витгенштейн [Bernhard 2005]. Но еще чаще к наследию философа отсылают не судьбы отдельных персонажей, а их необычная речевая практика — монологичность и заикленность на одном предмете, дотошность в разворачивании обиходных языковых конструкций, радикальный скепсис в возможностях высказывания. Литературовед Кристоф Бартман даже полагает, что все без исключения тексты Бернхарда отмечены печатью витгенштейновского гения [Bartmann 1991: 26–27].

Незримое присутствие Витгенштейна в сочинениях Бернхарда свидетельствует о постоянном внутреннем споре с философом: некоторые его соображения, будучи помещенными в поле вымысла, обретают новое подтверждение, а некоторые — виртуозно доведенные до абсурда — обнаруживают свою иллюзорность. Ярким образчиком такой художественной апробации витгенштейновских теорий может служить повесть Бернхарда «Хождение» (1971). По сути, это нейтральное название выступает исчерпывающим описанием всей сюжетной линии. На протяжении почти сотни страниц двое приятелей — анонимный рассказчик и некто Элер — прогуливаются по одной-единственной венской улице, обсуждая недавнее событие — помрачение рассудка их общего знакомого Каррера. По мнению собеседников, причиной тому могло послужить самоубийство друга его юности, талантливого химика Холленштайнера, а кульминацией стал инцидент в лавке торговца брюками, где претензия Каррера к качеству матери-

² См. об этом: [Коваль, Крюкова 2021; 2022].

ала мало-помалу переросла в полную потерю контроля над собой. Трагическая ситуация Каррера подталкивает к продумыванию типичных витгенштейновских вопросов о границах человеческого мышления, о проблематичном соответствии между миром и языком, о лингвистических топосах истины и лжи, о невыразимом, о взаимозависимости слов, мыслей и поступков.

Эпистемологическая модель «Логико-философского трактата» (1918), призванная наглядно продемонстрировать полную отображаемость фактов мира в зеркале языка, начинает давать о себе знать уже с первых страниц книги Бернхарда. Ставшая крылатой сентенция Витгенштейна («...то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать» [Витгенштейн 1994: 3]), хотя и приобретает в повести несколько иной вид, прочитывается без особого труда: «Что может быть понято в том или из того, что я говорю, говорит Элер, может быть из этого понято; что не может быть из этого понято, понято из этого быть не может» [Bernhard 1971: 15]³. Словно подчиняясь витгенштейновской максиме, рассказчик у Бернхарда стремится запротоколировать все, что произошло в течение его последних прогулок с Элером. Этим намерением объясняется и то, как организуется пространство текста. Повествование ведется от первого лица, однако прямая речь нарратора, чье «я» всегда остается в тени, по большей части сводится к функции опосредования речи других — с одной стороны, идущего рядом с ним Элера, с другой стороны, отсутствующего Каррера, реплики которого рассказчик слышит не от него самого, а в передаче Элера. Потому произведение Бернхарда изобилует постоянными повторениями уточняющих формул: «говорит Каррер», «говорит Элер», «так по Карреру», «так по Элеру»⁴. Итальянская исследовательница Элизабетта Никколини изобретает для них специальный термин — «аккустическая пунктуация» [Niccolini 2000: 186]. И в самом деле, эти навязчивые вкрапления размечают у Бернхарда поле сказанного и, замещая собой графические элементы, выполняют роль своеобразных знаков препинания. Если Витгенштейн определял предложение как картину факта, выдвигая в качестве идеала иероглифическое письмо, где рисунки обозначают слова (4.016)⁵ [Витгенштейн 1994: 20], то Бернхард обратно переводит визуальные образы в их вербальные аналоги. За этой с виду безобидной инверсией кроется решительная атака на стройную вселенную «Логико-философского трактата»: вера Витгенштейна в то, что язык связан с действительностью, поскольку неким органичным способом соприкасается с ней (2.1515) [Там же: 8], рушится под натиском убежденности Бернхарда в том, что между миром и языком зияет непроходимая пропасть. Как бы ни был точен рассказчик в донесении чужих сообщений, как бы жестко ни размежевывал субъектов высказывания, эта пропасть только ширится.

³ Перевод здесь и далее наш.

⁴ Во всем тексте насчитывается 474 подобных вводных конструкций. Следует отметить, что тот же прием, нарочито акцентирующий косвенную речь, Бернхард использует и во многих других своих романах.

⁵ Здесь и далее при цитировании «Логико-философского трактата» цифры в скобках обозначают соответствующий афоризм, согласно сквозной нумерации, которая была введена самим Витгенштейном.

Фактический остов мира остается едва уловим за постоянно наславляющимися друг на друга словами персонажей, и возникает соблазн списать эту неудачу на избранную Бернхардом форму изложения, выстраивающегося почти целиком из косвенных высказываний, пускай и полученных протагонистом из первых рук. Критерии истинности фраз, устроенных по типу «он сказал, что...» или «он верит, что...», и для логиков начала XX в. представляли собой проблему. В отличие от обычного сложноподчиненного предложения, истинность которого гарантируется истинностью входящих в него элементарных предложений, случай так называемых суждений верования (например, «Он говорит, что идет дождь» или «Он полагает, что Бог существует») не поддается столь четкой верификации, ибо то, что утверждается, может как соответствовать, так и не соответствовать действительности. Учитель Витгенштейна Бертран Рассел решает этот парадокс за счет того, что объявляет такого рода суждения элементарными, т. е. не разлагаемыми на части, и сводит их к констатации одного-единственного факта: «Он что-то говорит»⁶. Витгенштейна расселовский вариант не удовлетворяет, поскольку грешит психологизмом: акцент тут переносится со структуры фразы на личность произносящего ее, с логически необходимого на эмпирически случайное. Сам он считает, что подобные предложения отражают комплекс равноценных фактов (5.54–5.5423) [Витгенштейн 1994: 53–54], а стало быть, факт «Элер говорит» или факт «так по Карреру» не отдаляет сказанное от того, что оно было призвано зафиксировать (исходный факт). До тех пор, пока в речах героев просматривается смысл, подозревать язык в искажении действительности, с точки зрения Витгенштейна, нецелесообразно. Значит, разлом между словами и вещами, о который то и дело спотыкаются персонажи Бернхарда, не кроется в умышленном или бессознательном отступлении от истины, а сигнализирует о более серьезном нарушении — стирании связей между означающим и означаемым.

Недоверие к языку, который на глазах утрачивает свою адекватность миру, сквозит в лексиконе Каррера постоянными вкраплениями оборота «так называемый»: «так называемый человеческий рассудок», «так называемое современное государство», «так называемая человеческая трагедия», «так называемые новые брюки», «так называемая наука» и даже «так называемое так называемое». Частота его повторения свидетельствует о том, что это не просто маркер ироничного отношения к тем или иным феноменам. Подмена определенного положения вещей их знаковым аналогом, легитимированная «Логико-философским трактатом», приводит у Бернхарда к тому, что слова больше не корреспондируют с вещами, а отсылают лишь к таким же, как они сами, знакам. Символично, что подобным знаком в повести «Хождение» становится и имя Витгенштейна. Впервые оно упоминается в тексте, когда Элер рассказывает свою беседу с лечащим врачом Каррера — доктором Шеррером, освещая обстоятельства, предшествующие эксцессу в лавке:

... прежде чем войти в магазин Рустеншахера, мы прошли слишком много, и не только слишком много, но и со слишком большой скоростью, ведя в то же время слишком напряженный разговор о Витгенштейне, говорю я Шерреру, говорит Элер, я намеренно назвал это имя, потому что знал, что

⁶ См. об этом подробнее: [Апель 2001: 70–73].

Шеррер никогда этого имени не слышал, что тут же подтвердилось, едва я назвал имя Витгенштейна, говорит Элер [Bernhard 1971: 72].

Здесь вокабула *Витгенштейн* не указывает ни на личность философа, ни на его раннюю или позднюю теорию, а заведомо используется Элером как пустой знак. И хотя в диалогах Элера и Каррера она выглядит насыщенной смыслом, до конца повести этот смысл так и не раскрывается, и читатель, кому имя Витгенштейна мало о чем говорит, остается в положении доктора Шеррера.

Однако многословие бернхардовских героев знаменует собой отнюдь не обесценивание языка. Каррер, Элер и рассказчик, отдавая себе отчет в ненадежности всех имеющихся способов выражения, упорно держатся зыбкого поля речи как единственной доступной им реальности.

Только благодаря тому, что мы обозначаем действия и вещи в качестве действий и вещей, которыми эти действия и эти вещи в принципе не являются, потому что они не могут являться в принципе этими действиями и этими вещами, только благодаря этому мы продвигаемся дальше, только таким образом, говорит Элер, возможно нечто, а стало быть, возможно все [Bernhard 1971: 16].

Хотя язык не в состоянии отразить фактическое положение дел, он тем не менее способен «показать», сделать видимым этот свой провал. Бернхард, отклонив витгенштейновскую идею изоморфности мира и языка, задействует другую ключевую мысль Трактата, согласно которой то, что предложение не может выразить словами, оно показывает (4.1212) [Витгенштейн 1994: 25]. Для Витгенштейна этим невысказываемым была «логическая форма» — общая для предметов и имен, ситуаций и фраз матричная структура, исходное условие их свободного перетекания друг в друга. Для Бернхарда, напротив, таковым глубинным уровнем, не поддающимся артикуляции, выступает несхватываемость мира словом. В характерном для Бернхарда нагромождении речей, в их навязчивом кружении, повторении, варьировании проступает, по верному замечанию Никколини, «не голая манифестация маньеризма, а гораздо больше: выражение вербального отчаяния, результат беспощадного изучения доступных языку инструментов и проверка возможностей языка — вплоть до границы того, что может быть сказано и что может быть понято» [Niccolini 2000: 190].

Намерение Витгенштейна сделать язык познавательной оптикой мира не может быть реализовано у Бернхарда из-за неточности показаний избранной измерительной шкалы. Если австрийский философ прочерчивает границы мышления в языке, поскольку тот первым сообщает об их нарушении в виде бессмысленных предложений, то в лингвистически нестабильной вселенной Бернхарда таких стоп-сигналов нет, и герои повести выверяют пределы мыслимого и выразимого буквально по шагам. Мышление Бернхард напрямую связывает с хождением, перемещением из одного пункта в другой, где движение инициирует рефлексию, а мысль задает темп ходьбе.

Когда мы идем, говорит Элер, вместе с движением тела происходит и движение ума. Мы констатируем снова и снова, что когда мы идем

и когда наше тело приходит в движение, то и наше мышление приходит в движение, притом что ни одной мысли не было в голове. Мы ходим нашими ногами, говорим мы, и думаем нашей головой. Но точно так же мы могли бы сказать, что мы ходим нашей головой⁷ [Bernhard 1971: 88].

С точки зрения Витгенштейна, фраза «Мы ходим головой» не может не свидетельствовать о том, что граница мышления перейдена. Бернхард же формулирует ее как отражающую истинное положение дел. Подобное возведение хождения в модус мышления позволяет увидеть активность, процессуальность, динамичность интеллектуальной работы.

И правда, говоря о мышлении, трудно избежать метафор из арсенала слов со значением движения: «прийти в голову», «следить мыслью», «ход размышления», «озарение снизошло», «мысли блуждали» и т. д. Языковые игры, которые Бернхард затевает со словом «ходить» (*gehen*) и его производными, поражают своим многообразием. Он не только задействует всевозможные однокоренные глаголы (при этом обиходно нейтральные *weggehen* ‘уходить’, *hingehen* ‘направляться’, *abgehen* ‘отходить’, *zurückgehen* ‘возвращаться’, *umgehen* ‘бродить’ перемежаются символически нагруженными *zugrunde gehen* ‘гибнуть’ или *verlorengehen* ‘теряться’), но и акцентирует присутствие *gehen* в таких важных для сюжетного развития понятиях, как *Denkvorgang* ‘мыслительный процесс’, *Vergangenheit* ‘прошлое’ или *Selbstmord begehen* ‘совершить самоубийство’. Помимо оборотов с *gehen* в тексте используются и другие выражения, образованные от близких по смыслу слов: *Unbeweglichkeit* ‘неподвижность’, *Körperbewegung* ‘движение тела’, *Geistesbewegung* ‘движение духа’ (от *bewegen* ‘двигать’), *ausweglose Ausweglosigkeit* ‘безвыходная безвыходность’ (от *Ausweg* ‘выход’), *Verrücktheit eintritt* ‘безумие наступает’ (от *eintreten* ‘вступать’), *zum Unglück kommen* ‘потерпеть неудачу’, *in tödlichen Zweifel kommen* ‘попасть в смертельные сомнения’ (от *kommen* ‘приходить’) и т. д., и т. п.⁸

Хождение у Бернхарда проецируется на мышление в том числе и в его предельном состоянии, когда то вплотную приближается к своему краю — к безумию. Именно сбой привычного ритма в прогулке Элера с Каррером предвосхищает нервный срыв последнего: сперва он ускоряет движение, переходя на бег, а потом внезапно отклоняется от заданного маршрута и окончательно останавливается в лавке торговца брюками. Инициированное Каррером препирательство с продавцом вращается вокруг ключевого для Витгенштейна вопроса о соответствии имени обозначаемому им предмету. Указывая на новые брюки, один утверждает, что это «первоклассный английский материал», тогда как другой называет их «бракованным чехословацким товаром» [Bernhard 1971: 56]. В подтверждение своей правоты Каррер рассматривает их на свет и

⁷ Комментарий к двум последним предложениям из приведенной цитаты, вскрывающий деконструктивистскую стратегию Бернхарда, см. в [Gleber 1991: 94].

⁸ Наполненное словесными подобиями повествование Бернхарда наглядно воплощает идею «семейных сходств» позднего Витгенштейна, отказавшегося от целостной картины языка в пользу несметного числа индивидуальных речевых проявлений, за которыми стоят определенные «формы жизни».

демонстрирует истонченность ткани в некоторых местах. В какой-то момент речь ему отказывает, и Каррер способен лишь повторять одно и то же: «Эти прорехи, эти прорехи, эти прорехи...» [Ibid.: 73]. Согласно Витгенштейну, язык должен был бы предупредить Каррера о близящейся опасности, а собственно, о том, что он непосредственно подошел к черте, разделяющей мыслимое и немислимое. Однако заикленность на одной-единственной фразе оповещает, что переход свершился и повернуть вспять уже нельзя. Получается, что первым о наступлении безумия информирует отнюдь не язык: он продолжает работать в обычном своем режиме, требуя от говорящего завершить предложение, и только невозможность сделать это показывает — в качестве случившегося факта, — что сознание Каррера помутилось.

Страх сойти с ума преследовал Витгенштейна с ранних лет и вплоть до конца его жизни. В 1948 г. он пишет одному из ближайших учеников Г. Х. фон Вригту: «Я часто думаю, что я на прямом пути к безумию. Мне трудно представить, что мой мозг долго сможет выдерживать напряжение» (цит. по: [Монк 2018: 525]). Многие герои Бернхарда проходят этот путь до конца. Именно таков случай Каррера, который теряет рассудок не по причине ослабления работы мысли, а наоборот, в силу ее максимальной интенсивности.

Несомненно, говорит Элер, Каррер сошел с ума на пике своего мышления. На примере таких людей, как Каррер, наука могла бы снова и снова наблюдать, что они внезапно сходят с ума на пике своего мышления и, следовательно, на пике своих интеллектуальных способностей. Есть момент, говорит Элер, в который наступает безумие [Bernhard 1971: 23].

Правда, для Бернхарда перспектива лишиться здравого смысла не кажется пугающей: гораздо больше его страшат холодный разум и трезвый расчет, которыми руководствуется «нормальное» большинство. В повести оно представлено двумя второстепенными персонажами, которые так или иначе имеют отношение к болезни Каррера: врачом Шеррером и торговцем Рустеншахером. Шеррер, репрезентирующий медицинский метод, казалось бы, и должен подходить к делу с известной долей отстраненности и безучастности. Но эта безопасная дистанция не позволяет проникнуть в суть того явления, с которым ему предстоит работать, сколь бы подробны ни были отчеты Элера о поведении Каррера. Превращая живого человека в предмет исследования, «случай болезни», доктор заведомо обрекает себя на особое ученое незнание, поскольку даже не допускает, что безумие есть «привилегия незаурядных натур, которые продумывают экзистенциальные вопросы вплоть до их крайних границ» [Doll 2003]. И если врачи в лице Шеррера ставят Карреру однозначный диагноз — безумен, то Элер выносит им еще более суровый приговор — не способны на безумие:

...такие люди, как Шеррер, никогда не смогут сойти с ума. Как известно, врачи-психиатры со временем становятся нервнобольными, но не сумасшедшими. По причине своего неведения касательно главной темы жизни эти люди в конце концов всегда становятся нервнобольными, но сумасшедшими — никогда [Bernhard 1971: 51].

Рустеншахер, владелец брючного магазина, где у Каррера случился кризис, олицетворяет другую сторону социальной нормальности. На протяжении почти всего эпизода в лавке, пока его племянник обслуживает клиентов, он находится на заднем плане и методично прикрепляет этикетки к новой партии товара. В контексте расхожего понимания языка как упорядоченной системы знаков, где слова выступают ярлыками именуемых вещей, монотонная деятельность Рустеншахера выглядит механическим установлением соответствий между миром и логосом. Однако то обстоятельство, что операция маркировки происходит в тени, наводит на подозрение, что здесь имеет место некая манипуляция и подмена, нуждающаяся в утаивании. В отличие от хозяина лавки, Каррер норовит выставить сокрытое на всеобщее обозрение: просматривая брюки на свет, он не просто обнаруживает изъяны, но оспаривает правильность именованья, установленную торговцем. Его бунт направлен против конвенциональности речи в той же мере, в какой и против качества товара. Это метафизическое разоблачение может быть прочитано и на более глубоком уровне, затрагивающем неприглядные события недавней истории. Литературовед Юрген Долль предлагает интерпретировать кульминационный момент повести как обличение общественного консенсуса, который негласно заключили между собой австрийские граждане, предпочтя не афишировать своей причастности к национал-социалистическому режиму. Под прохудившейся тканью, которую Каррер столь экзальтированно демонстрирует присутствующим, подразумеваются преступления прошлого, которые он желает обнародовать вопреки всеобщему сопротивлению. По мнению Долля, «...от читателя требуется детективное чутье, если он хочет под нарастающей лавиной бернхардовских слов раскрыть этот повествовательный слой. В конце концов, можно установить прямую корреляцию между трудностью чтения “Хождения” и трудностью, с которой столкнулись австрийцы в начале 1970-х годов, — трудностью встать лицом к лицу перед своим прошлым, отягощенным чувством вины, вынести на свет “прорехи” собственной истории, признаться в них самим себе, вместо того чтобы просто “беспрерывно” приклеивать новые этикетки» [Doll 2003].

В логически регламентированном универсуме Витгенштейна критерием различения между высказываниями истинными и ложными выступает их совпадение или несовпадение с фактами в мире: «То, что картина изображает, — ее смысл. Ее истинность или ложность состоит в соответствии или несоответствии ее смысла действительности» (2.221–2.222) [Витгенштейн 1994: 25]. Держаться истины — значит совершать процедуру верификации, что не требует ни особых усилий ума, ни наличия нравственной позиции, ни тем более экзистенциального выбора. В свете толкования Юргена Долля вопрос об истине у Бернхарда перестает быть нейтральной познавательной операцией. Тот, кто им задается, ставит под угрозу, во-первых, самого себя, подвергая свое мышление опасности безумия; во-вторых, искомую истину, которая готова в любой момент обернуться иллюзией; в-третьих, необходимость продолжать поиск, зная, что он чреват потерей себя или истины (или того и другого вместе).

Отказавшись от строго дискурсивного понимания истины, Бернхард тем не менее не разделяет и тенденцию к мистическому откровению, которая намечается в Трактате в качестве альтернативы логике. Его герои словно бы

движутся в обратном направлении — по отношению как к идеалу научности, так и к измерению абсолютных ценностей: от дарящего уверенность знания к фиктивности всякого знания, от полноты бытия к его опустошенности и исчерпанности, от истины к ложности самой идеи истины⁹. И потому всякая верификация лишь ввергает в отчаяние:

Когда мы нечто *слышим* (здесь и далее курсив оригинала. — Е. К., О. К.), <...> мы проверяем то, что мы слышим, и проверяем до тех пор, пока не будем вынуждены сказать, что услышанное не истинно, услышанное — ложь. Когда мы нечто *видим*, мы проверяем то, что видим, до тех пор, пока не будем вынуждены сказать, что то, что мы видим, ужасно. И так в течение всей жизни нам не вырваться из ужаса, неистинного и лжи, говорит Элер. Когда мы нечто *делаем*, мы думаем о том, что мы делаем, до тех пор, пока не будем вынуждены сказать, что все это нечто подлое, нечто низкое и нечто бесстыдное, это нечто чудовищно безутешное, то, что мы делаем, и тот факт, что то, что мы делаем, по природе своей ложно, самоочевиден [Bernhard 1971: 10].

Бернхард отвергает противопоставление истинного и ложного как взаимоисключающих типов суждений. Истина для него — не одна из сторон оппозиции, заведомо выигрышная. Скорее, это горькое и ясное осознание обманчивой природы языка. Имитируя стиль «Логико-философского трактата», Элер выдвигает свой тезис:

Мы должны знать, что все предложения, которые проговариваются, которые продумываются и которые вообще существуют, являются одновременно истинными и ложными, в том случае если речь идет об истинных предложениях [Bernhard 1971: 16–17].

Метафизическую подоплеку высказывания Элера выдает его намеренная парадоксальность. По Витгенштейну, философские проблемы как раз и отмечены подобным нарушением логики языка: «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, — пишет он, — а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность» (4.003) [Витгенштейн 1994: 25]. Атрибут бессмысленности, закрепленный за спекулятивным знанием, который многие комментаторы сочли осуждающей характеристикой, на самом деле не имеет у Витгенштейна негативных коннотаций. Мыслитель убежден, что иного способа говорить о наиболее важном не существует. Он даже чеканные формулировки своего Трактата объявляет лишены смысла: «Мои предложения служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью — по ним — над ними, в конечном счете признает, что они бес-

⁹ Такой «путь вычитания», характерный для многих персонажей Бернхарда, Ян Кноблах называет «гиперболической негативностью». Способ существования через отрицание, непосредственно выраженный в словах протагониста романа «Изничтожение»: «Мало-помалу мы должны отвергнуть все», — включает в себя в качестве неизбежного момента и саморазрушение героя [Knobloch 2021].

смысленны» (6.54) [Витгенштейн 1994: 72–73]. Для Бернхарда выведенный Витгенштейном «закон бессмысленности» оказывается еще более необходимым, чем логический порядок мира и языка. Его персонажи, принесшие клятву верности этому закону, остаются философами до конца. Свидетельством тому выступают заключительные строки повести, передающие слова главного героя накануне помешательства: «Состояние полного безразличия, в котором я, стало быть, нахожусь, так по Карреру, является совершенно философским состоянием» [Bernhard 1971: 101]. Но не менее красноречиво говорит об этом и сопротивление, которое объединяет рассказчика, Элера и Каррера, — сопротивление фальши обыденности, конформизму окружающих, ходу истории, здравому смыслу, тактике выживания. Вслед за Витгенштейном они делают ставку на мышление, отдавая себе полный отчет, что их ставка не сыграет.

И пока государство, и пока общество, и пока массы делают все возможное, чтобы упразднить мышление, мы защищаем себя от этой тенденции всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, хотя мы сами большую часть времени думаем о бессмысленности мышления, потому что мы знаем, что мышление есть полная бессмысленность, с другой стороны, потому что точно знаем, что *мы* без этой бессмысленности мышления ничто или нас нет [Bernhard 1971: 46].

Источники

- Бернхард 2003 — *Бернхард Т.* Племянник Витгенштейна. История одной дружбы / Пер. с нем. Т. Баскаковой // Иностранная литература. 2003. № 2. С. 144–201.
- Бернхард 2020 — *Бернхард Т.* Из книги «Мои премии» / Пер. с нем. С. Новиковой // Звезда. 2020. № 11. С. 251–259.
- Bernhard 1971 — *Bernhard Th.* Gehen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971.
- Bernhard 2003 — *Bernhard Th.* Goethe schtirbt // Bernhard Th. Werke: In 22 Bd. Bd. 14: Erzählungen. Kurzprosa / Hrsg. von H. Höller, M. Huber, M. Mittermayer. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. S. 398–413.
- Bernhard 2005 — *Bernhard Th.* Werke: In 22 Bd. Bd. 4: Korrektur / Hrsg. von M. Huber, W. Schmidt-Dengler. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005.
- Bernhard 2011 — *Bernhard Th.* Ritter, Dene, Voss // Bernhard Th. Werke: In 22 Bd. Bd. 19: Dramen V / Hrsg. von M. Huber, B. Judex, M. Mittermayer. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2011. S. 223–347.

Литература

- Апель 2001 — *Апель К.-О.* Витгенштейн и проблема герменевтического понимания / Пер. с нем. Б. Скуратова // Апель К.-О. Трансформации философии. М: Логос, 2001. С. 61–102.
- Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 1–73.
- Коваль, Крюкова 2021 — *Коваль О. А., Крюкова Е. Б.* Витгенштейн как литературный персонаж. Часть I // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 196–207.

- Коваль, Крюкова 2022 — *Коваль О. А., Крюкова Е. Б.* Витгенштейн как литературный персонаж. Часть II // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 169–179.
- Монк 2018 — *Монк Р.* Людвиг Витгенштейн. Долг гения / Пер. с англ. А. Васильевой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Bartmann 1991 — *Bartmann Ch.* Vom Scheitern der Studien. Das Schriftmotiv in Bernhards Romanen // Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. Heft 43. 3 Aufl. 1991. S. 22–29.
- Doll 2003 — *Doll J.* “Die Grenzüberschreitung nach Steinhof”. Zu Thomas Bernhards Erzählung “Gehen” // *Germanica*. Vol. 32. 2003. P. 109–122. [Цит. по электрон. версии]. URL: <http://journals.openedition.org/germanica/1851>.
- Gleber 1991 — *Gleber A.* “Auslöschung, Gehen”. Thomas Bernhards Poetik der Destruktion und Reiteration // *Modern Austrian Literature*. Vol. 24. No. 3/4. 1991. P. 85–97.
- Knobloch 2021 — *Knobloch J.* “Nach und nach müssen wir alles ablehnen”: Hyperbolische Negativität bei Thomas Bernhard // *German Life and Letters*. Vol. 74. No. 1. 2021. S. 30–46.
- Niccolini 2000 — *Niccolini E.* Der Spaziergang des Schriftstellers: *Lenz* von Georg Büchner; *Der Spaziergang* von Robert Walser; *Gehen* von Thomas Bernhard. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000.

References

- Apel, K.-J. (1988). *Transformation der Philosophie*. Suhrkamp. (In German).
- Bartmann, Ch. (1991). Vom Scheitern der Studien. Das Schriftmotiv in Bernhards Romanen. *Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur*, 43(3), 22–29. (In German).
- Doll, J. (2003). “Die Grenzüberschreitung nach Steinhof”. Zu Thomas Bernhards Erzählung “Gehen”. *Germanica*, 32, 109–122. <http://journals.openedition.org/germanica/1851>. (In German).
- Gleber, A. (1991). “Auslöschung, Gehen”. Thomas Bernhards Poetik der Destruktion und Reiteration. *Modern Austrian Literature*, 24(3/4), 85–97. (In German).
- Knobloch, J. (2021). “Nach und nach müssen wir alles ablehnen”: Hyperbolische Negativität bei Thomas Bernhard. *German Life and Letters*, 74(1), 30–46. (In German).
- Koval, O. A., & Kriukova, E. B. (2021). Vitgenshtein kak literaturnyi personazh. Chast' I [Ludwig Wittgenstein as a fictional character. Part 1]. *Voprosy filosofii*, 2021(3), 196–207. (In Russian).
- Koval, O. A., & Kriukova, E. B. (2022). Vitgenshtein kak literaturnyi personazh. Chast' II [Ludwig Wittgenstein as a fictional character. Part 2]. *Voprosy filosofii*, 2022(2), 169–179. (In Russian).
- Monk, R. (1991). *Ludwig Wittgenstein: The duty of genius*. Vintage.
- Niccolini, E. (2000). *Der Spaziergang des Schriftstellers: Lenz von Georg Büchner; Der Spaziergang von Robert Walser; Gehen von Thomas Bernhard*. Metzler. (In German).
- Wittgenstein, L. (1966). *Logisch-philosophische Abhandlung = Tractatus logico-philosophicus*. Routledge & Kegan Paul; The Humanities Press. (In German).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Екатерина Борисовна Крюкова

*кандидат философских наук
старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН (филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН)
Россия, 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 25
Тел.: +7 (812) 316-24-96
✉ kriukova.jr@yandex.ru*

Ekaterina B. Kriukova

*Cand. Sci. (Philosophy)
Senior Researcher, Sociological Institute
of the Russian Academy of Sciences (Branch
of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the Russian Academy
of Sciences)
Russia, 190005, St. Petersburg,
7th Krasnoarmeyskaya Str., 25
Tel.: +7 (812) 316-24-96
✉ kriukova.jr@yandex.ru*

Оксана Анатольевна Коваль

*кандидат философских наук
доцент, кафедра философии,
религиоведения и педагогики, Русская
христианская гуманитарная академия
Россия, 191011, Санкт-Петербург,
Наб. р. Фонтанки, д. 15А
Тел.: +7 (812) 334-14-41
✉ ox.koval@gmail.com*

Oxana A. Koval

*Cand. Sci. (Philosophy)
Associate Professor, Russian Christian
Academy for the Humanities
Russia, 191011, St. Petersburg,
Fontanka River Emb., 15A
Tel.: +7 (812) 334-14-41
✉ ox.koval@gmail.com*